

О мерте,
о любви,
о судьбе

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ВЕРЫ КОЛОЧКОВОЙ



ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ МАДОННА
ПАРАДОКС ГРЕТХЕН
ТВОЯ ЖЕНА ПЕНЕЛОПА
КОВАРСТВО, ИЛИ ТАЙНА ДОМА С МЕЗОНИНОМ
СЛЕПЫЕ ПО БРЕЙГЕЛЮ
ТРЕТИЙ РЕБЕНОК ДЖЕЙН ЭЙР
ПРАВИЛО ПАРАЦЕЛЬСА, ИЛИ ТРИЛОГИЯ ДЛЯ СВЕКРОВИ
ИЗ ЖИЗНИ МЭРИ, В ДЕВИЧЕСТВЕ ПОППИНС
ЛАСТОЧКА ДЛЯ ДЮЙМОВОЧКИ
ЛЕДИ МАКБЕТ МАРКЕЛОВА ПЕРЕУЛКА
РАНДЕВУ ДЛЯ ТРЕХ СЕСТЕР
БЛАГОСЛОВЕНИЕ СВЯТОГО ПАТРИКА
ДОМ ДЛЯ ОДИССЕЯ
ЗНАК НЕФЕРТИТИ
СЛЕЗА ШАМАХАНСКОЙ ЦАРИЦЫ
ЗОВ СИРЕНЬ
ДЕТИ АФРОДИТЫ
СИНДЕРЕЛЛА БЕЗ ХРУСТАЛЬНОЙ ТУФЕЛЬКИ
ОБИТЕЛЬ СИНЕЙ БОРОДЫ
НЕМНОГО ЛЮБВИ ДЛЯ БЕДНОЙ ЛИЗЫ
ПАРТИЯ ДЛЯ ЛОВЕЛАСА

ВЕРА КОЛОЧКОВА

КЛЮЧИ
ОТ ЯЩИКА ПАНДОРЫ

роман



МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Оформление серии *С. Власова*

Колочкова, Вера.

К61 Ключи от ящика Пандоры : роман / Вера Колочкова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (О мечте, о любви, о судьбе. Проза Веры Колочковой).

ISBN 978-5-699-92134-8

Судьба была благосклонна к Ирине — замечательный муж, две красавицы-дочери, дом, полный заботы и любви. Женщина была счастлива по-настоящему, тем тихим счастьем, которое приносит в жизнь чувство защищенности, покой и гармонию. Могла ли Ира предположить, какие эмоции откроет в себе, узнав, что ее казавшееся столь незбылемым счастье в один миг окажется под угрозой?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э»,

ISBN 978-5-699-92134-8 2016

— Ирина, дай воды!

Мама тяжело плюхнулась в кресло, отерла ладонью влажное лицо. Приняв у дочери из рук стакан с минералкой, она отхлебнула пару глотков, поморщилась:

— Ой, не люблю с газом. Каждый пузырек — это ж удар кулаком по печени!

— Хм... Какие у тебя странные аллегории..

— И ничего не странные, все так и есть! А ты не знала?

— Нет.

— Ну, так слушай, чего мать говорит! По моей — точно кулаком. Сразу из ребер вываливается, болью болит... А может, мне в Трускавец съездить, как думаешь?

— Поезжай..

— Хм... Ишь, как у тебя все просто. На какие шиши?

— Я дам денег. Купи путевку в хороший санаторий.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ладно, поглядим, может, еще обойдется. Просто я сегодня разнервничалась. Да еще и свиную отбивную зачем-то съела...

Мама прикрыла глаза, погладила правый бок. По лицу медленно разлилось болезненное страдание, весьма выразительное, надо сказать. Да такое, что волей-неволей чувствуешь себя плохой дочерью, не способной к испуганному сочувствию. А маме так хочется этого испуга! Чтобы с непременно кудяхтаньем, с рассыпанным бисером «ахом» и «охом»...

Она, неблагодарная и бесчувственная дочь, всегда терялась от этого напора многословия, болезненной мимики лица. Наверное, потому, что настоящее, искреннее сочувствие не умеет пробиваться через энергию обвинения — у тебя, милая моя, мать болеет, но «шишей» на лечение нет! А тебе и невдомек, конечно, у тебя-то они есть...

Ирина вздохнула, с тоской поглядела в окно. Подумалось в который раз — ну почему так происходит? Можно же прямо сказать — так и так, дочка, дай денег на поездку в санаторий. Почему надо издалека заходить, хлопотать болезненной эмоцией, да еще и жеманно отмахиваться — ничего, обойдется, мол! Знает же, что отказа не будет. Для чего эта демонстрация страдания-обвинения? Еще и свиную отбивную на помощь призвала... Нет, и впрямь! Если печень болит, так

Ключи от ящика Пандоры

заказала бы себе там, в ресторане, что-нибудь диетическое. Она не сдержалась, произнесла тихо, боясь обнаружить вспыхнувшую искру раздражения:

— Так не ела бы отбивную, мам.

— Ну да! Как было не съесть? Поминки все-таки, ты ж сама их в ресторане заказала. Неловко было с постным лицом над тарелкой сидеть. Да еще и в ресторане! Ишь, как расщедрилась! Конечно, если деньги есть, так отчего же — все только самое лучшее. А что с матерью после отбивной будет, все равно! Ой, ой, как болит... М-м-м...

— Может, таблетку?

— Да что мне с твоей таблетки... В нее сочувствия не положишь!

Ах, все-таки сочувствия не хватает! Да есть оно у меня, ей-богу, только зачем по нему плеткой стегать? Как же ты не понимаешь, мама, что побитое плеткой сочувствие — уже и не сочувствие, а просто выражение лица, обманное, старательно сделанное. И хватит уже формировать у меня чувство вины. Хоть завтра поезжай в свой Трускавец, решили же!

— Нет, я так и не поняла, Ирк, чего ты вдруг этих старух, Машиных подружек, в ресторан на поминки потащила? Могли бы и в ее квартире стол накрыть. Они, поди, отродясь в таком дорогом ресторане не были.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Перестань. Мне для тети Маши ничего не жалко.

— Так ей-то уж все равно, прости, господи, ее душу грешную, царствие ей небесное, вечный покой! А тебе вон какой расход вышел.

— Прекрати!

Наверное, слишком резко она ее оборвала — вон как та в кресле выпрямилась, поджала губы обиженной скобочкой. Сейчас обязательно выдаст чего-нибудь такое, скорбно самобытное, с фольклорным душком родного городка Красногвардейска.

— Прости, доченька, что я твои деньги считаю. Меня-то небось так богато не похоронишь.

Ага, на этот раз без фольклора обошлось. Хотя и не менее убойно. Вот что на это ответишь? Не беспокойся, мамочка, похороню, довольна будешь? И денег на это мероприятие тоже не пожалею, и поминки в дорогом ресторане проведу? Хм... Да уж. И обидно, и грустно. И как ни скажи, все равно виноватой останешься. Лучше уж обойти вопрос обиняком, по касательной.

— Тетя Маша меня любила. Я у нее да у тети Саши единственная племянница была, ты же знаешь. Хотя почему была. Для тети Саши-то пока что есть, слава богу. Не представляю, как она теперь будет без сестры? Все-таки у близнецов особая привязанность друг к другу.

Ключи от ящика Пандоры

— Ну, Александра-то покрепче Марии здоровьем вышла, поживет еще, не волнуйся. А насчет привязанности — подумаешь, близнецы. Одна и радость была, что с лица одинаковые. А так сестры и сестры. Любая сестра к другой привязана. Как и мать к дочери. Вот говоришь, любила тебя шибко Маша. Да уж не больше, наверное, чем я, родная мать!

— Я не сказала, кто больше, кто меньше. Я просто сказала — любила.

— Так оно и понятно: кого им с Александрой еще любить-то было, кроме тебя? Своих детей бог не дал, с молодости один свет в окошке — младший братец, твой папаша. Тряслись над ним, как над малым дитем! Вот и залюбили, и воспитали эгоиста!

— Не говори так. Он же мой отец.

— Да какой отец, ты и помнить-то его не должна! Когда он бросил меня, тебе еще и двух лет не исполнилось! Думаешь, легко мне было одной, с малым ребенком на руках?

— Но ведь тетя Маша и тетя Саша всегда помогали.

— Помогали, конечно, не спору. Как же иначе! Чай, стыдно им было за непутевого братца-то!

— Да ладно, мам. Уж тридцать лет прошло, как его в живых нет, а ты все о нем с обидой говоришь!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да! А куда ее денешь, обиду-то? Ты ж не знаешь, каково это — быть брошенной с малым дитем на руках

— Знаю, мам.

— Ой... Ну да... То есть я хотела сказать...

Мама осеклась, осторожно глянула на нее исподлобья. Что называется — прикусила язык. Вот так, бывает, прилетают приветы из прошлого, казалось бы, забытые основательно. Ан нет, не забытые. И, слава богу, у этих приветов уже налета обиды нет. Но ведь и впрямь — было... Было, да быльем-счастьем поросло. Вон даже мама уже не помнит. И хорошо. Вообще надо закрыть тему.

— Я не это имела в виду, Ирочка...

— Да ладно, я все понимаю. Скажи лучше — ты сегодня домой поедешь или погостишь еще?

— А почему спросила? Что, мать в твоём богатом доме не смотрится, да? Интерьер своим деревенским видом портит?

Вообще-то можно на такие вопросы-забияки и обидеться, конечно. Да, это самый легкий путь. То есть сделать вид, будто не понимаешь, что мама этими вопросами всего лишь на проявление дочерней любви провоцирует. А значит, очень ее хочет, и на самом деле не так много, любви-то. И, стало быть, надо растечься уверениями по древу.

Надо. Но не хочется, видит бог. Чего действительно очень хочется, так это чтобы мама уехала.

Ключи от ящика Пандоры

Оттого и пауза образовалась довольно напряженная. Мама уверений ждет, а они, проклятые, застыли где-то на полпути, один тяжкий вздох вырвался наружу.

Да любит она ее, любит! Просто устала. Может она позволить себе устать, в конце концов? От похоронных хлопот, от горя, от поминок на девятый день... И от мамы тоже. Не потому, что она в доме «не смотрится», как только что неказисто подковырнула, а просто хочется, чтобы домашняя жизнь поскорее вошла в привычную колею, потекла в знакомой упорядоченности, в милых сердцу привычках и неспешном достоинстве. Чтобы завтраки по утрам вкусные под веселую пикировку девчонок и насмешливые в их сторону улыбки Игоря, и торопливое обсуждение планов на вечер, и обязательный выход на крыльцо — поглядеть, как они выезжают за ворота на машинах: Игорь на работу, девчонки — в институт, — и помахать вслед рукой. А потом — еще вздремнуть часика два. Сладкий, блаженный сон с мыслью — все при делах пристроены, и она тоже — при очаге хранительница.

Ничего этого с мамой не получается: ни пикировок, ни улыбок, ни легкости — одно вежливое напряжение витает в воздухе — тихо, мол, посторонний в доме. Вроде и близкий человек, кому теща, кому бабушка, кому вообще, простите, родная мать, а не получается. Наверное, это

ВЕРА КОЛОЧКОВА

нормально? Просто привычки к совместному житию нет.

— Я, Ир, у тебя еще про квартиру спросить хотела.

Дочь глянула в мамино задумчивое лицо, в который раз удивляясь, как быстро меняется ее настроение. Пока она мысленно готовилась, как ответить на провокационный вопрос об «интерьере и деревенском виде», мама уже и про сам вопрос забыла, на другом сосредоточилась.

— Что? Про какую квартиру?

— Да про Машину, про какую еще! Она ведь, наверное, тебе ее завещала? Больше вроде некому?

— Ну да. Тетя Саша мне рассказывала, что год назад они вместе ходили к нотариусу, оставили два завещания на мое имя. Им ведь и впрямь больше некому.

Что это она — будто оправдывается? Словно виновата в том, что у отцовских сестер больше родных нет? Да и не в этом даже дело! Вовсе не хотела она никаких завещаний, но раз уж так получилось...

— И что ты с ней собираешься делать?

— Не знаю. Я не думала над этим вопросом, как-то не до того было.

— А ты подумай и поступи по совести.

— В каком смысле?

— А в таком! Вон у тебя дом — полная чаша, живешь, как сыр в масле катаешься. И машина

Ключи от ящика Пандоры

у каждого есть, и на заграничные курорты ездите...

— Мам, скажи прямо — чего ты хочешь?

— Ну, прямо так прямо. Отдай Машину квартиру Снежанке. Чего девка рядом с матерью в нашем захолустье мыкается? Сестра она тебе или кто? Хоть и отцы у вас разные, но все равно! Конечно, ей меньше повезло — у нее таких теток нет. Кроме меня да тебя, вообще никакой родни нет, никто завещания не оставит. Но она ж в этом не виновата, правда? Совсем ведь с пути собьется. А в городе у нее, может, какая-никакая личная жизнь наладится. Отдай, а?

— Хорошо. Вступлю в наследство, потом дарственную на Снежану оформлю.

— Что, правда?!

— Правда.

— И даже с Игорем советоваться не будешь? А вдруг он тебя отговорит?

— Он даже вникать не будет.

— Ой, Ирочка, да неуж и впрямь... Как хорошо, какая ж ты у меня умница! А то ведь, знаешь, устала я с ней под одной крышей-то жить. Хоть и дочь она мне, но характер такой, сама знаешь: живем как кошка с собакой, так и до греха недалеко. Папаша-то у нее тоже был с характером, помнишь?

Да, помнила она отчима, куда ж от этой памяти денешься: грубиян, буян и лентяй. Одно и до-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

стоинство, что с лица красив и на пяток лет мо-
ложе матери был. Когда сестра родилась, подался
на заработки к другу в северный город да так и
пропал там, даже исполнительный лист на али-
менты его не нашел. Видно, не прописано было
судьбой для мамы семейного счастья. И Снежа-
не с мужем не повезло: развелись, не прожив и
года. Как говаривала сестренка — злой рок по
материнской линии. С обидой говаривала, будто
старшая сестра незаслуженно получила семейное
счастье.

— Я одну ее в город отпущу, Олежку при себе
оставлю. Я еще в силах, сама внука воспитаю.
Может, и повезет ей, нового мужа найдет. А что,
при наличии квартиры-то. Как думаешь?

— Не знаю, может быть.

— Ну и ладно, и хорошо... Видишь, как все
славно устраивается. Все-таки хорошо я тебя
воспитала, ты у нас добрая душа. А Игорек точно
не заругается?

— Нет. Он тоже добрая душа, мам.

— Ага, ага... Ну, я тогда прямо сейчас домой
поеду, обрадую Снежанку новостью. Закажешь
мне такси до вокзала?

— Зачем? Я сейчас Коле позвоню, он тебя в
Красногвардейск отвезет.

— А кто это?

— Водитель Игоря, он его по делам фирмы
возит.

Ключи от ящика Пандоры

— А вдруг муж не одобрит, что ты его шофера по личным делам отвлекаешь?

— Нет. Ты вообще слышала хоть раз, чтобы он ругался?

— Нет, но все равно неловко как-то. Да и кто я для него? Теща деревенская, невелика птица, — пропела в мамином голосе привычная провокационная нотка и тут же затихла, ударившись в благоговейное, следом произнесенное: — Ой, прямо нарадоваться не могу, как повезло с зятем! Такой он у нас, Игорек, дай бог ему здоровья. Ну что, тогда соберусь по-быстрому? Да и чего мне там: нищему собраться — только подпоясаться...

Выбравшись из кресла, она шустро начала подниматься по лестнице в гостевую комнату. И через десять минут уже спустилась, держа в руках дорожную сумку.

— Коля через десять минут подъедет. Успеешь еще чаю выпить.

— Да что чаю. Не хочу. Вот думаю — приеду домой, а там холодильник пустой...

Ах, как она забыла-то, господи! Про самое главное, традиционное, сокровенное!

Нашла глазами брошенную на диван сумку, торопливо дернула «молнию», достала кошелек, вытащила наугад несколько шершавых на ощупь купюр.

— Вот, мам... Так, сколько здесь... Тысяча долларов. На месяц хватит, я думаю.